

Ночь уже стала глубокой.

Фу Цзюэчжи смотрел на чёрную ворону, пролетевшую под карнизом, подпирал подбородок и неизвестно о чём размышлял.

Советники уже разошлись.

Лоу Чжоу сделал шаг вперёд, собрал документы со стола и сказал:

— Князь, при дворе ходят слухи: вдовствующая императрица собирается на празднике предложить Его Величеству взять девушку из рода Цуй в императрицы.

Фу Цзюэчжи повернул голову, бросил на него взгляд и устало потёр переносицу.

— Линь Ши в тюрьме. Все люди за спиной Цуй Юаня теперь ходят, поджав хвосты.

— Несколько дней назад наньцзянские тайные агенты были задержаны. А ту счётную книгу он не нашёл, даже если перевернул землю на три чи.

Лоу Чжоу улыбнулся.

— Канцлер Цуй торопится.

По комнате прошёл ветер.

Яркое пламя свечи резко качнулось.

Лицо Фу Цзюэчжи то появлялось из света, то снова уходило в тень.

Он слегка прищурил глаза.

— Война между двумя странами уже близко. Нам придётся смотреть и на юг, и на север. Ни одной ошибки позволить нельзя.

— Но из Сябэя пришло письмо: Бэйляо в последнее время тоже начало двигаться.

В глазах Фу Цзюэчжи лежала усталость.

Палец постучал по лежащему на столе делу.

— Если и дальше позволять роду Цуй делать всё, что захочется, они неизбежно ударят в спину. Пока внутренние беды не решены, как Дачан сможет всеми силами встречать внешнего врага?

— Князь собирается тронуть...

Лоу Чжоу обрезал фитиль. Пламя снова стало ярким.

Он изменил формулировку:

— По делу маркиза Лунси заместитель главы Мэн получил новые сведения.

— Как князь и предполагал, два года назад нападение устроили вовсе не разбойники.

Голос стал тише.

Из рукава Лоу Чжоу вынул кусок ткани.

— Род Цуй, стоявший за этим, действительно потерял всякий страх. Поджёг усадьбу, вырезал знатную семью...

Фу Цзюэчжи опустил глаза на переданную кровавую записку.

— Её написал Чжан Кунь, старый слуга маркиза. Он уже одной ногой в могиле, тяжело болен и даже приготовил дома гроб. Выступать свидетелем не желает.

Вокруг было тихо.

На ткани темнели размазанные кровавые иероглифы. Всего несколько строк:

«Двадцать четвёртый год Чанлуна, двадцать седьмой день десятого месяца, третья четверть часа Крысы. Огненный питон пожрал небо. Более трёх сотен душ усадьбы маркиза стали обугленными костями-памятниками, синие блуждающие огни освещали ночь. Кунь чудом сохранил последний вздох и, обливаясь кровью, кланяется, свидетельствуя о преступлении рода Цуй...»

Фу Цзюэчжи долго смотрел.

Затем нахмурился и насмешливо фыркнул, словно что-то его не устроило.

Кровавую записку он небрежно бросил обратно на стол.

— Где человек?

Лоу Чжоу опустил голову и доложил:

— В деревенской усадьбе в пятидесяти ли от ворот Чаоян, за столичными предместьями.

В глазах Фу Цзюэчжи спряталось убийственное намерение.

Лицо оставалось спокойным, а слова прозвучали холодно:

— Передай заместителю Мэну: пусть подготовит судебного писца Далисы.

— Через три дня Чжан Кунь лично явится в Далисы.

Выражение Лоу Чжоу сразу стало серьёзным.

— Есть.

Закончив, Фу Цзюэчжи повернул голову и посмотрел на небо за окном.

Похоже, решил, что уже поздно.

Он поднялся. Длинная чёрная тень легла на пол.

Снаружи евнух держал фонарь и при появлении князя сразу склонился.

Фу Цзюэчжи широким шагом направился в спальню и жестом остановил Лоу Чжоу, не позволяя следовать дальше.

Оставил лишь последнюю фразу:

— Праздник приближается. Одних голов всего рода Цуй недостаточно — в Императорском училище тоже нужно добавить огня.

— Передай начальнику Ли: в тот день учащиеся Высшей школы должны вместе явиться к дворцовым воротам с петицией.

Дверь спальни открылась.

Было уже очень поздно, но внутри всё ещё горели лампы. Занавесь впереди была немного откинута, за ширмой тоже стоял яркий свет.

Фу Цзюэчжи уже искупался. От тела ещё исходила влажная прохлада.

Войдя длинным шагом, он сначала нахмурился на старого евнуха, ожидавшего в передней комнате, затем сильно понизил голос:

— Супруг уже спит? Почему свет не погасили?

Дзянь увидел князя и почтительно поклонился.

— Докладываю князю: сегодня княжеский супруг долго занимался. Кисть отложил лишь две четверти часа назад. Сейчас отправился в сад Шуйчуань купаться в холодном источнике.

Пальцы Фу Цзюэчжи у бока слегка согнулись.

Взгляд переместился на письменный стол в передней.

Обычно ночью именно здесь он разбирал документы.

Сколько бы бумаг ни лежало, всё всегда оставалось аккуратно разложенным.

Теперь сюаньская бумага криво покрывала почти весь стол. Иероглифы на листах были ещё детскими и немного смешными, а кисть висела на подставке с вызывающей небрежностью.

Дзянь проследил за взглядом князя и поспешил объяснить:

— Это задания княжеского супруга. Он боялся, что после уборки не найдёт их, поэтому не позволил слугам трогать.

Фу Цзюэчжи улыбнулся и отвёл глаза.

— Пусть лежат.

Свечи мерцали.

Дзянь откинул занавесь. Фу Цзюэчжи прошёл в заднюю комнату, обошёл ширму и поднял пальцами угол полога.

И вдруг остановился.

В постели, кроме лёгкого одеяла, неизвестно откуда появился квадратный парчовый валик

шириной в три чи.

Дзянь стоял далеко, но, увидев это, резко втянул воздух.

Он осторожно посмотрел на лицо князя и поспешил объяснить:

— Несколько дней назад княжеский супруг велел его сшить. Сказал, что хочет... обнимать во сне...

Чем дальше говорил, тем сильнее запинался.

Мягкий, пухлый, до смешного уютный валик в постели совершенно не соответствовал стилю Фу Цзюэчжи.

Дзянь уже не понимал, как спасти ситуацию.

— Я думал, княжеский супруг хочет положить его в боковом дворе, где отдыхает в прохладе...

Кто мог подумать, что вещь окажется прямо на княжеской постели?

Вообще-то спальня за последнее время наполнилась множеством мелочей, которых раньше здесь никогда не было.

У окна стоял бумажный кролик.

На ширме лежал разноцветный мешочек.

Несколько пар ушных подвесок были сложены в сандаловую коробочку и беспорядочно разбросаны по низкому столику у кровати.

Следы Чжао Наня были повсюду.

Фу Цзюэчжи отпустил полог, наклонился и пальцами перебрал небрежно лежавшие украшения.

Затем одну пару за другой аккуратно выровнял.

Он смотрел вниз. Чёрные пряди упали вперёд и скрыли лёгкую улыбку в глазах.

Снаружи слышались быстрые весёлые шаги.

Чжао Нань вошёл, весь окутанный прохладной влагой. Мокрые пряди прилипли к шее.

Он шёл внутрь и бессвязно бормотал:

— Спать, спать, спать...

Похоже, действительно умирал от сонливости.

В задней комнате он увидел высокую фигуру Фу Цзюэчжи у кровати и совершенно по-хозяйски положил руку ему на плечо.

— Пойдём. Вместе спать.

Дзянь опустил глаза, сознательно передал полотенце Фу Цзюэчжи и вышел.

Занавесь опустилась.

Комнату наполнил лёгкий аромат сосны.

Чужая ладонь легла на мокрый затылок Чжао Наня. Полотенце накрыло влажные волосы.

Фу Цзюэчжи удержал его и мягкими движениями начал вытирать воду.

— Туаньтуань.

Он прищурился и через полотенце слегка сжал мягкую кожу на затылке.

— Сядь нормально.

Чжао Нань послушался и честно сел на край кровати.

Кончики волос всё ещё были влажными. Кожа, открытая над нижней одеждой, казалась прохладной и мокрой.

Мягкий полог висел у него за спиной, словно тончайшая вуаль.

Прямо перед глазами была крепкая талия Фу Цзюэчжи.

Сегодня Чжао Нань переучился и совершенно выбился из сил. На краю кровати его мотало из стороны в сторону.

Пальцы Фу Цзюэчжи на затылке чуть сильнее сжались и притянули человека вперёд, так что лоб упёрся в него.

— Обопрись. Ещё немного.

Под лбом чувствовались твёрдые мышцы.

Чжао Нань расслабился, закрыл глаза и немного отдохнул.

Вскоре услышал голос Фу Цзюэчжи:

— Уже осень. Ночами будет намного холоднее.

Похоже, волосы наконец высохли. Чжао Нань услышал, как полотенце отложили.

Ладонь коснулась уха и легко, но настойчиво помяла мягкую мочку.

Фу Цзюэчжи опустил голову.

— Не увлекайся холодом.

От его пальцев ухо Чжао Наня стало горячим.